

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Владимир ПЕРШАНИН

ШТРАФНИКА

Танкист-штрафник

Владимир Першанин

Последний бой штрафника

«Яуза»

Першанин В. Н.

Последний бой штрафника / В. Н. Першанин — «Яуза»,
— (Танкист-штрафник)

Новая книга от автора бестселлеров «Командир штрафной роты», «Штрафник из танковой роты» и «Штрафник, танкист, смертник». Завершение фронтового пути советского танкиста. Он на передовой с лета 1941 года. Он не раз горел в танке, выходил из окружений, «искупал вину кровью» в штрафной роте – и прозвище «Штрафник», полученное от слишком бдительного политработника, «прилипло» к нему до конца войны, которая не закончилась даже с падением Берлина. Над Рейхстагом уже развевается красный флаг, гремят победные салюты, но ему предстоит последний, самый трудный бой – за Прагу... Что может быть страшнее, чем погибнуть в День Победы? Каково это – не кланяться снарядам и «фаустпатронам» 9 мая 1945 года? Кто станет последним павшим на Великой Отечественной войне? Неужели он?.. Выживи, солдат! Пожалуйста, выживи! Ведь ты это заслужил...

© Першанин В. Н.

© Яуза

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владимир Першанин

Последний бой штрафника

ПРЕДИСЛОВИЕ

Май, 1945 год. Путь на Прагу

«Тридцатьчетверка» горела, выбрасывая языки чадающего пламени и густой дым солярки. Башня лежала на обочине шоссе. Вторая машина, с разбитыми колесами и скрученной гусеницей, вела торопливый огонь. Три остальных танка передового отряда сползли в кювет и тоже посылали снаряды в сторону чужих оружейных вспышек.

Чехословакия. Горы, лес, добротная шоссе́йная дорога, высоченные сосны на опушке. Война кончается или уже закончилась. Взят Берлин, подход Гитлер, а мы еще воюем.

Возле «тридцатьчетверки», развернутой посреди шоссе, лежит тело танкиста. Двое из экипажа сумели спастись, а еще двое горят вместе с машиной. Фрицы бьют из леса. Огонь плотный. Снарядов не жалеют, экономить незачем. Я пытаюсь связаться по радиации с подбитой «тридцатьчетверкой», которая продолжает стрелять. Дать команду экипажу покинуть обреченный танк. Это в моей власти, хотя и нарушение устава. Пока действует орудие, танк обязан вести огонь.

– Щас, настройку подключу, – торопится стрелок-радист. – Тряхнуло ящик, но связь есть. Щас...

Десантники и пехота пытаются наступать через редкий сосновый лес. Но им тоже не дают развернуться. Взрывы поднимают завесу дыма и медленно оседающей рыжей хвои. Сосна, подсеченная снарядом, вздрагивает. Верхняя часть вместе с кроной висит секунду или две в воздухе, потом опрокидывается. Нижняя часть дерева, приняв в себя жар раскаленной болванки, загорается огромной свечой.

Из подбитой «тридцатьчетверки», до которой я все же докричался, выскакивает один, второй танкист. Остальные не успевают. Удар проламывает бортовую броню. Вспышка, секунды тишины, и следом – мощный двойной взрыв. Машины загружены боеприпасами под завязку, взрываться есть чему. Сначала детонируют снаряды в башенной укладке. С такой силой, что вскрывают башню, словно консервную банку. Следом взрываются снаряды в напольных чемоданах и баки с горючим. Развороченную башню подкидывает вверх. Через круглое отверстие погона поднимается сноп огня, разлетаются обломки, останки человеческих тел.

Три танка несутся вдоль кювета. Мы заходим в тыл немецкого заслона. Расплачиваемся еще одной подбитой машиной и расстреливаем две тяжелые 88-миллиметровки. Они страшны для любого нашего танка своими мощными снарядами, навороченной оптикой и точными приборами наведения. Но артиллеристы не успевают развернуть шестиметровые стволы. Одна пушка, разбитая фугасным снарядом, оседает на скособоченных лапах-опорах. Со второй слетает скошенный щит, а взрывная волна и осколки разбрасывают расчет.

Мы несемся вперед, не обращая внимания на разбегающихся артиллеристов. Надо прикончить еще два орудия. Но пока делаем крюк, нас опережает пехота. Обозленные солдаты, уже хватившие спирта, забрасывают гранатами и расстреливают в упор расчеты орудий и пулеметов, грузовики, на которых вырываются из кольца уцелевшие немцы. Кому-то это удастся.

Массивный грузовик, с пробитыми колесами и поврежденным валом, ревет мотором, но скорость набрать не получается. Десантники и пехота, обходя его с трех сторон, непрерывно стреляют из всех стволов. Несколько ответных очередей от фрицев, обреченных, знающих, что пощады не будет. Деревянные борта и брезент дырявят десятки пуль, через минуты все кончено.

Я вылезая из своей «тридцатьчетверки». Рядом останавливается машина Сани Таганова, командира второго взвода, конопатого парня с исцарапанным лицом. Пехотный старлей, еще не пришедший в себя от горячки боя, показывает пальцем на тела немецких солдат.

Одеты кто во что. В обычную пехотную форму, камуфляж, черные куртки, но почти у всех на петлицах эсэсовские эмблемы. Они дрались с нами упорно, как будто не видно конца войны. Впрочем, у них своя задача. Задержать нас как можно дольше и дать возможность уйти на запад отступающим частям. Ну и успеть добить восставшую Прагу. Но мы идем туда без передышек, не оглядываясь на свои потери.

Кто-то уже ломал войну, а для нас последний бой впереди. «Последний бой, он трудный самый» – так будут петь спустя годы. Умирать одинаково плохо в любом бою. Но в последнем – обидно. Почему именно я? Впрочем, в те майские дни мы не задавали таких вопросов.

ГЛАВА 1

Штрафник

А что? Обычное прозвище. Бывают и хуже. Впрочем, Штрафником меня называют немногие, например замполит бригады майор Гаценко. Для своей высокой должности он еще очень молод. Ему не больше тридцати. Но держится уверенно, звания и ордена получает быстро.

Гаценко – орел! Да еще со связями в политуправлении. По сравнению с ним я так себе. У майора три сверкающих ордена, блестящая портупея и хромовые надраенные сапоги. Настоящий боевой офицер. У меня так не получается. Может, потому, что не имею ординарца, который каждый вечер начищает Гаценко ордена, пряжки, сапоги. И с наградами у меня бедновато. Медаль «За боевые заслуги». Чего ее без конца драить! Правда, нашивок за ранения – три штуки.

Только хвалиться ими не с руки. Три раза хорошо подковали. Впору пожалеть. Но жалеть меня никто не собирается. Люди и по пять и по семь ранений имеют. Раз признан годным – вой! Что я делаю с сентября сорок первого. Конечно, с перерывами на санбаты, госпитали, учебу, запасные полки. Без таких перерывов долгую войну не осилишь.

Мое штрафное прошлое всплыло в конце сентября 1943 года, когда я и еще несколько офицеров были направлены в расположение отдельной танковой бригады нашей 40-й армии, которая готовилась к переброске через Днепр. Со мной вместе добровольно перешел в новое подразделение мой заряжающий, сержант Леня Кибалка, с кем мы воюем вместе с весны сорок третьего.

Перевод из части, где ты достаточно повоевал, приобрел друзей, – грустное дело. Не случайно некоторые ребята даже после серьезных ранений отказываются ложиться в госпитали. Из госпиталя в свой полк или бригаду вряд ли попадешь. Лучше уж перекантоваться в санбате и вернуться в родную часть, чем снова привыкать к новому начальству. Но меня, как и остальных офицеров, никто не спрашивал. Есть приказ, продиктованный какими-то обстоятельствами. Его и выполняй. Спустя сутки мы представлялись командованию бригады и входящего в состав танкового полка.

С Николаем Фатеевичем Успенским решили быстро. Капитан – участник боев на Халхин-Голе, освобождал Орел, в армии с тридцать пятого года. Имеет опыт, никаких темных пятен в биографии. Его назначили командиром танкового батальона. Других ребят тоже раскидали в момент.

С моим назначением вопрос застопорился. Дело в том, что год назад я был осужден военным трибуналом за оставление боевой техники, разжалован в рядовые и отвоевал месяц в штрафной роте.

Тогда, в сорок втором, получилось так. Мою «тридцатьчетверку» подбили. Сорвало гусеницу, а вскоре заклинило башню, которая едва проворачивалась. Тем не менее орудие действовало, и я какое-то время вел бой. Затем, будучи контуженным, покинул подбитый танк вместе с механиком и заряжающим. Главная моя вина заключалась в том, что я не взорвал поврежденную машину. Почему не сделал этого – сам не понимаю. Там всех делов было кинуть в люк гранату или поджечь солярку. Возможно, сыграла свою роль контузия, а может, рассчитывал, что дымившаяся «тридцатьчетверка» сгорит сама, без моей помощи.

Хотя танк не достался немцам (на этом участке они отступили), я угодил под трибунал и был приговорен к двум месяцам штрафной роты. Мог бы угодить и под высшую меру. Тогда шли сильные бои под Сталинградом и всю работу выполнял жесткий приказ Верховного

¹ 0227 «Ни шагу назад!».

Я этот шаг сделал и вполне мог получить пулю в затылок. Однако трибунал учел контузию, прежние ранения, то, что воевал с сентября сорок первого. Отделался штрафной ротой. Вернее, рейдом в немецкий тыл, откуда после боев прорвались живыми тринадцать человек из семидесяти.

Мне вернули прежнее звание и сняли судимость. За год я успел получить еще два ранения, медаль «За боевые заслуги», а на подходе к Днепру был назначен командиром танковой роты. Майор Гаценко, распределявший вновь прибывших офицеров, не торопился с моим назначением, хотя бригаду должны были вот-вот ввести в бой.

Состоялся долгий разговор, из которого выяснилось, что моя личность большого доверия не внушает. Гаценко беседовал со мной по-замполитовски доброжелательно, как отец родной. Мне приносили горячий чай с сухариками, я курил его «Беломор». Но час за часом, сгребая грехи настоящие, а заодно и мнимые, он заталкивал меня в угол. Как ободранный веник, испачканный в чем-то нехорошем. Например, в дерьме.

Кроме штрафной роты, мою боевую биографию хорошо подпортили два выхода из окружения. Осенью сорок первого из-под Брянска и в марте сорок третьего, после повторного взятия Харькова. Окружение ведь это почти плен, а плен – предательство.

Вот такая вязалась ниточка. Надо ли было удивляться, что в придачу к блужданиям по тылам я угодил еще и под трибунал. До бдительного замполита по каким-то каналам дошли и мои недавние разговоры о боях под Орлом, где я выражал «неумное восхищение» немецкой техникой и «жаловался», что наши танки и пехоту гонят в бессмысленные лобовые атаки.

До фраз о «восхищении и жалобах» я вел себя спокойно. Каялся, что действительно дважды попадал в окружение, да еще вместе со своим батальоном. Признавал вину за оставленный подбитый танк и с чистой душой сообщил замполиту, что трибунал поступил со мной очень справедливо. Ну, а я, оправдывая доверие, как мог, искупал вину. Даже уничтожил четыре немецких танка, штук семь пушек, грузовиков и сколько-то немецко-фашистских захватчиков.

– Не надо хвалиться, – отечески предостерег меня Гаценко. – Вы и своих машин угробили достаточно.

Здесь он был абсолютно прав. Я потерял в боях четыре танка, на которых воевал. Это тоже не шло в мою пользу. Наверное, замполита больше устроило бы, если бы в каком-то бою я остался в горящем танке и встал в бесконечный ряд «геройски погибших». Тогда бы автоматически отпали бы вопросы о моей сомнительной биографии, штрафной роте, нездоровых разговорах.

– Насчет жалоб вы, товарищ майор, зря, – твердо ответил я. – Мне такое слово незнакомо. А то, что у фрицев сильные танки, тут и спорить нечего. Чтобы подбить, крепко постараться надо. Молодняк, который противника недооценивает, гибнет, и моргнуть не успевает.

– Не надо погибших трогать, – пожалел моих товарищей тыловик Гаценко, блеснув орденами и пряжками на португее. – Они умирали как герои. И вообще, Волков, вы повторяете ошибку тех, кто возомнил себя прожженными фронтовиками. Во всем разбираетесь, все знаете. Хоть полком ставь командовать!

– Может, хватит? – попросил я. – Чего вы столько времени на меня тратите? Или у вас других дел нет?

– Не знаю, куда тебя направить, – изобразил тяжкие раздумья замполит. – Я ведь думал, пришел опытный командир. А оказывается, прислали с липовой аттестацией штрафника, окруженца да еще и паникера. Немецких орудий он испугался! А другие не боятся, воюют.

– Выбирай слова! – привстал я со стула и едва не опрокинул остатки чая в мельхиоровом подстаканнике.

– Успокойся, герой, – отодвинул стакан Гаценко. – Я за свои слова всегда отвечаю. Ладно, шагай.

– Мне шагать некуда. Три дня в штабе болтаюсь. Отправляйте, куда угодно, только избавьте от вашей болтовни.

Здесь я перехватил. Замполит мог спокойно отправить меня на гауптвахту и устроить кучу неприятностей. Но этого не произошло. Мы обменялись еще двумя-тремя репликами, и я был выставлен за дверь. Результатом беседы и моей несдержанности стало назначение на должность командира танкового взвода. Понижение в должности меня разозлило. Ведь я командовал ротой почти два месяца! Но в спешке наступления приказ оформлен не был, и я оставался по документам командиром взвода. Такое случается на войне часто. Если бы не передовая, то прежний комбат Таранец оставил бы меня командиром роты. Мы пробились к Днепру после сильных боев, за что и к ордену представили. Но сейчас моей судьбой распоряжались другие люди. Какой уж теперь орден!

Позже, немного успокоившись, я понял, что бдительный и самолюбивый замполит поступил со мной согласно своим инструкциям. Штрафная рота, два выхода из окружения, политически вредные разговоры о немецкой армии. Чего еще нужно? Правильно говорят: «Меньше взвода не дадут, дальше фронта не пошлют!» И двинул я в танковый полк, принимать новый взвод. Слегка подсластив пилюлю, мне разрешили взять с собой сержанта Леню Кибалку.

Командир второго батальона, майор Плотник Петр Назарович, спокойный и обстоятельный мужик, лет сорока, в мелочи не вникал. Коротко побеседовал, где учился, где воевал, и пожелал служить как положено. Командир роты, Хлынов Степан, крепкий, жилистый парень моих лет, тоже старший лейтенант, пожал руку, расспросил, что и как, представил взводу и пригласил вечером в свою землянку познакомиться поближе.

Из новых подчиненных мне сразу запомнился командир танка, старший сержант Февралев Слава, по кличке Зима. Рослый, светловолосый, с орденом Красной Звезды и двумя медалями, он говорил не спеша, взвешенно. Я понял, что во взводе он пользуется авторитетом, а кто я такой, надо еще посмотреть.

Танк, как водится, мне достался не новый, с заваренной пробойной на борту. Механик-водитель Гусейнов Рафик доложил, что двигатель прошел капремонт, машина к маршу готова. Леня Кибалка занял свое место башнера, а стрелка-радиста обещали прислать через денек.

Вечером сидели в землянке Степана Хлынова. После двух дней общения с замполитом находиться среди своих, пусть пока и незнакомых людей, было приятно. Здесь все до мелочей напоминало прежний батальон и прежнюю роту. Печка из столитровой бочки, самодельный стол, чурбаки вместо табуреток. Даже старшина был похож на моего прежнего. Впрочем, все старшины похожи друг на друга, знающие себе цену и четко занимающие в ротной иерархии второе место после командира.

Пили разбавленный спирт с родным запахом резины, закусывали хохляцким салом, тушенкой и мелкими поздними помидорами. Противень со скворчащей на этом же сале картошкой занимал полстола. Сидело нас человек семь. Два командира взвода, оба младшие лейтенанты, судя по всему, недавно пришедшие в бригаду, старшина, парторг роты и старший сержант Февралев – Зима. С ротным у них были приятельские отношения. Если бы не мое назначение, командиром взвода мог вполне стать Февралев. Сидели они рядом, и обращался Хлынов к нему чаще, чем к другим.

А кто другие? Два младших лейтенанта только что прибыли с шестимесячных курсов. Их так и называли за глаза «шестимесячные», они и пороха не нюхали. Ну, еще парторг, тыловой старшина да я, пока еще темная лошадка. Старшие лейтенанты редко командуют взводами. До трех звездочек взводные либо не доживают, либо становятся командирами рот, а порой и батальонов.

В разговоры я сильно не лез, но, почувствовав любопытство, откуда взялся, коротко рассказал свою биографию, начиная с учебы, с сентябрьских боев в сорок первом под Брянском и заканчивая своим назначением с командира роты на взвод. Слава Февралев сказал, что всякое бывает, парторг обронил фразу, что я обязательно себя в бою покажу. Ротный Хлынов переспросил:

– В институте, значит, учился? А я всего шесть с половиной классов закончил.

Возможно, прозвучало с оттенком желания расставить все по местам. Пусть я грамотный, повоевавший, но здесь мужики тоже не лыком шиты. Хлынов, хоть и не слишком ученый, а успешно командует ротой и два ордена имеет.

Вспомнили погибших в последних боях ребят, упомянули о командире взвода, на чье место я пришел. Сообщили, что лейтенант был смелым парнем, и дай бог остальным воевать, как он. Когда уходили, Хлынов попросил Зиму остаться. Мне кажется, он хотел выпить еще, но не в компании молодых младших лейтенантов. Да и я был пока чужим. Как и везде, людей принимают в коллектив после боя. Справедливый закон.

В период с 22 по 30 сентября 1943 года войска Воронежского, Центрального, Степного, Юго-Западного фронтов вышли к Днепру на участке протяженностью 750 километров. В этот период десятки дивизий, бригад, полков, переправившись через Днепр, заняли 23 плацдарма на правом берегу. Шло огромное сражение, которое позже назовут битвой за Днепр. Войска Воронежского (с 20 октября 44-го года – 2-го Украинского) фронта активно наступали. Многие части вели бои уже на правом берегу. Но продвижение натывалось на ожесточенное сопротивление немецких войск, успевших возвести целую систему мощных оборонительных сооружений, так называемый «Восточный Вал».

Днепр, достигавший ширины 700–900 метров, уже сам по себе являлся серьезной преградой. С высокого правого берега просматривалась и простреливалась не только река, но и значительный участок на левобережье. Кроме многочисленных рядов траншей с отсечными ходами, крытыми капонирами для танков и орудий, было построено большое число бетонных дотов. Их можно было разбить лишь прямыми попаданиями крупнокалиберных снарядов или тяжелыми авиабомбами.

Трагической страницей в битве за Днепр стали бои на Букринском плацдарме, примерно в ста километрах юго-восточнее Киева. Несмотря на сравнительно небольшую величину, одиннадцать километров по фронту и шесть километров в глубину, этот плацдарм считался одним из наиболее перспективных. С него планировалось нанести удар с целью освобождения Киева.

События на этом участке развивались следующим образом. Днепр в районе Букринской излучины был форсирован 22–23 сентября, а затем переброска войск на плацдарм шла непрерывно, причем с такими потерями, сведений о которых я не смог найти в исторической литературе. Возможно, огромные человеческие жертвы толком никто не подсчитывал. В одном из недавно изданных исторических справочников лишь приводится весьма скромная цифра людских потерь 1-го Украинского фронта в ходе Киевской наступательной операции с третьего по тринадцатое ноября – 30 тысяч 500 человек погибших и умерших от ран. Но до ноября и до взятия Киева ох как далеко!

К тридцатому сентября на плацдарме площадью около 70 километров сосредоточились силы 27-й и 40-й армий, части 3-й гвардейской танковой армии. Плотность войск была огромной. В то же время не хватало артиллерии и танков, бои шли жестокие.

Наши войска предприняли одну из самых крупных воздушно-десантных операций. В районе Великого Букирина был сброшен десант численностью около десяти тысяч человек с артиллерией и минометами.

К сожалению, опыта в таких операциях у нас еще не хватало. Десант сбрасывали в ночное время. Из-за ошибок и неправильных ориентиров часть десантников была сброшена (или снесена ветром) на огромное водное пространство Днепра и утонула.

Парашютные роты и батальоны приземлялись на позиции немецких войск и уничтожались еще в воздухе пулеметным огнем. Десантники, хорошо обученные и вооруженные большим количеством автоматов, сражались отчаянно. Немцы несли потери, кое-где обращались в бегство, но место и время операции было выбрано неудачно.

Восемь тысяч десантников погибли, немногие попали в плен, а две тысячи прорвались в расположение наших войск и в партизанские леса.

ГЛАВА 2

Букринский плацдарм

В начале октября за короткие сроки был построен мост длиной 700 метров, соединяющий левый берег с Букринским плацдармом. Шла активная переброска танков и тяжелой техники. Наша бригада переправлялась на плацдарм примерно 10–12 октября. Помню, что шел дождь, и немцы вели огонь из тяжелых орудий. Снаряды поднимали фонтаны воды и песка, блестящие при свете ракет. Когда взрывы происходили на глубине, вздымались бугорчатые холмы илистой и песчаной смеси.

Я сидел, высунувшись по пояс. Остальные люки тоже были открыты. Попасть в узкую нитку моста не просто. Кроме того, вела огонь наша артиллерия. Перебрались благополучно, по крайней мере танковые батальоны с десантом. В других подразделениях бригады имелись потери, но сравнительно небольшие. Когда наконец миновали мост и поднялись на берег, настроение сразу улучшилось. Под гусеницами была надежная земля, а не колыхающийся настил, который мог в любой момент оборваться и затянуть махину танка в черную холодную воду. Истинное положение дел мы не знали. Считали, что через считанные дни будем в столице Украины. К сожалению, действительность оказалась намного сложнее, чем мы ожидали.

Наш второй батальон под командованием майора Плотника шел по бездорожью в северо-западном направлении. За два года войны я повидал достаточно. Оказывается, что такое плацдарм, представлял еще очень слабо. Бои здесь шли уже недели три, земля была сплошь изрыта воронками от бомб, снарядов, мин. Некоторые величиной с котлован, заполненные водой. Сюда попали авиабомбы весом пятьсот килограммов или тонну.

Разбитые, сгоревшие танки, сплюснутые обломки орудий всевозможных калибров, остатки грузовиков. В перепаханых взрывами траншеях копошились под дождем солдаты. Сначала, форсируя Днепр, этот кусок земли обстреливали мы, а сейчас сыпят бомбы и снаряды немцы. Впрочем, не только немцы. Мы уже знали, что «величайшую битву» за Германию ведут румыны, венгры и даже наши земляки: эсэсовские батальоны донских казаков, полки «русской освободительной армии» генерала Власова, украинские части.

Рота старшего лейтенанта Хлынова окапывалась в раздолбанном снарядами леске, метрах в двухстах от переднего края. По сравнению с пехотой – почти в тылу. Впрочем, вряд ли на плацдарме имелся тыл. Даже самое безопасное место под высоким днепровским обрывом, где располагались штабы, санитарные пункты, склады, лежали сотни раненых, обстреливалось минами и увесистыми снарядами мортир. Все это я успел разглядеть на рассвете, когда мы поднимались на берег и какое-то время стояли в ожидании дальнейших команд.

Капониры для танков копают обычно все, невзирая на звания и должности. Считаю, что повезло, если не бросили в атаку прямо с марша. А если так, то окапываться надо как можно быстрее. Снаряды не разбирают званий и должностей. Мой боевой опыт пока пригодился в одной существенной мелочи. Я приказал еще там, на левом берегу, обзавестись нормальным шанцевым инструментом. Слава Февралев – молодец! Команду понял сразу и притащил вместе с помощниками штук пять штыковых и совковых лопат, ржавый лом и такие незаменимые штуки, как киркомотыги. Целых три штуки. Не иначе, умыкнул у саперов.

Подобное понимание нас сразу сблизило, и я обрел надежного заместителя, хорошо знающего каждый экипаж. Часа за три наш взвод первый из роты врылся по башни в днепровский чернозем, перевитый корнями кленов и тополей. Пришлось одолжить командирам двух других взводов часть инструментов.

Сели перекурить. До фрицев (а может, румын или власовцев) было с полкилометра. Для плацдарма, где наши и вражеские окопы зачастую утыкаются друг в друга на бросок гранаты, такое солидное расстояние означало, что нас пока не собирались направлять в бой.

На плацдарме никогда не бывает тишины. И переправлялись мы под огнем, и сейчас стрельба продолжается то слева, то справа. Пасмурную влажную морось прорезают трассеры пулеметных очередей. Нам тоже дают понять, что здесь не просто кусок земли, а плацдарм, с которого нас обязательно столкнут.

С закрытых позиций бьют гаубицы-стопятки. Вперемешку: фугасными, осколочными и бризантными снарядами. Бризантные снаряды – поганая штука. Взрываются на высоте метров сорока и ниже, осыпая траншеи градом осколков. Плацдарм напичкан людьми и техникой. Осколки легко находят цель. Для закопанных в землю танков главная опасность – тяжелые фугасные снаряды, но они падают с большим рассеиванием. Вероятность прямого попадания невелика, однако нервы все равно играют. Вскоре открывают огонь наши гаубицы с левого берега, и немцы замолкают.

Похоже, что нас еще не нащупали. Мы сумели быстро окопаться в лесу. Перед нами две линии траншей и позиции легких пушек. Ближняя к немцам траншея располагается вдоль болотистой низины и узкой речушки, одного из многочисленных притоков Днепра.

– Зачем нас сюда поставили? – петушиным голосом возмущается восемнадцатилетний командир второго взвода. – Впереди овраг да болото. Как будем наступать?

Другой младший лейтенант согласно кивает. Я так и не запомнил их фамилий. Один темный, с заостренным смуглым лицом (может, постоянно чумазый), а второй – низкорослый и рыжеватый. Хлынов не достаивает их ответом и приказывает получше замаскировать машины. Этим мы и занимаемся, иногда прячась под танки, когда снова начинается обстрел.

Выбрав время, иду в ближайшую траншею познакомиться с соседями. Рота в количестве человек тридцати редкой цепочкой занимает линию траншей протяженностью метров двести. Лейтенант с перевязанной шеей угощается моими папиросами и рассказывает о положении дел. Ничего веселого. Рота, усиленная отделением противотанковых ружей, находится здесь неделю. Раза три пытались атаковать, отбили несколько атак противника. Разок схватились даже врукопашную, и лейтенант застрелил двух фрицев. Ротным его назначили дней десять назад, когда на левом берегу во время бомбежки убили командира роты. Из ста сорока человек, считая бронебойщиков, осталось менее четверти личного состава.

– Хорошо, что вас прислали, – солидно рассуждает вчерашний взводный, старожил по меркам плацдарма, не делю воюет. – Если прислали танки, жди наступления.

У меня на этот счет другие мысли. Спрашиваю насчет артиллерийской поддержки. Ротный сообщает, что от батареи легких полковых пушек осталось всего одно орудие, но левее располагается батарея дивизионных трехдюймовок. Правда, их что-то не очень слышно. Зато неплохо помогают гаубицы с левого берега и штурмовики «Ил-2», которые прилетают хоть и редко, зато в любую погоду. Немецких самолетов не видно, но это пока облачно. Разведнеется, обязательно появятся.

Пачка папирос быстро пустеет. По штучке берут бойцы, все в мокрых шинелях, перемазанные землей. Лейтенант жалуется, что с куревом и едой плохо. Подвоза нет, кормят раз в сутки. Выручают свои же убывшие (убитые и раненые). По ведомости вчера доставили харчей и водки на семьдесят человек, а в роте оставалось сорок. Сегодня уже тридцать.

– Сушиться есть где? – спрашиваю я.

– Есть. На моем участке два хороших блиндажа от фрицев остались. И дот. Вон в десяти шагах отсюда. Толь ко огонь не разведешь, сразу стрельба начинается. Пойдем, дот покажу.

Немецкий железобетонный дот сделан добротно. Но для обороны не пригоден. Толстая метровая стена с амбразурой и металлической заслонкой смотрит на восток, а стенка на западной стороне вдвое тоньше, и амбразурой служит низкая дверь, из которой мало что видно.

Зато своды колпака толстые и, по словам ротного, держат даже разрывы гаубичных снарядов. Только крошатся.

– Во, глянь, трещины, – показывает лейтенант. – Если шестидюймовая чушка свалится, пожалуй, сплющит. В земляных щелях, конечно, надежнее, но там воды по колено. Наступать будете?

Вопрос после разговора о житье-бытье немного неожиданный. И я, и лейтенант понимаем, если плацдарм застыл в обороне, то он обречен. Какое-то время можно отбиваться, однако рано или поздно надо наступать или уходить. Атаковали с Букринской излучины достаточно, но результатов пока нет. Сейчас, когда построили мост и переправляются части 3-й танковой армии, наступление, конечно, состоится. Так думают многие. В том числе и фрицы. А значит, разворачивают мощную оборону, которая здесь и так далеко не слабая.

Несем первые потери. Гаубичный 105-миллиметровый осколочный снаряд падает сверху на трансмиссию Т-34 из второго взвода. От разрушения двигатель спасает не столько тонкое стальное жалюзи позади башни, сколько сложенный в несколько слоев запасной брезент, бревна, еще какое-то барахло. Все это разлетается, разметанное взрывом пудового снаряда, и смягчает удар в двигатель. Сильный толчок сбрасывает с сиденья заряжающего и ломает ему кисть руки. У командира танка разбито лицо. Сержанта отправляют в санбат, а экипаж копается в двигателе. Лопнуло несколько соединений, в окоп натекает лужа масла.

В принципе, ничего страшного. Неполадки начинают устранять, но младший лейтенант (тот, который смуглый) нервничает, как будто в чем-то виноват. А через час-полтора, ближе к вечеру, под пулеметную очередь попадает командир третьего взвода.

Большинство пуль, которые летят в нашу сторону, натыкаются на деревья, но эта находит свою цель. Пробивает шлем из брезента и пробки, и голову младшего лейтенанта. Он падает, снова поднимается, даже что-то бормочет. Голову спешно перевязывают. Смертельно раненный лейтенант, опираясь на плечо санитаря, проходит шагов сорок. Такое бывает, даже когда пуля пробивает мозг, но сердце еще бьется и работают мышцы. Но человек обречен, я это хорошо знаю. Паренек снова падает и уже не поднимается. Мы хоронили его в воронке, наскоро подравняв стенки.

Хлынов и я вынимаем пистолеты и стреляем по три раза в воздух. Последний салют товарищу. Уже в темноте поминаем погибшего спиртом и хлебом с тушенкой. Полевая кухня где-то далеко, мы вскрываем НЗ. Слава Февралев рассказывает о погибшем. Хороший парень, во взводе его уважали, а родом он из-под Куйбышева. Говорит еще какие-то положенные в таких случаях слова. Мы киваем и жуем, запивая еду водой из фляги. Ночью дежуришь по два человека от экипажа. Часто взлетают ракеты, стрельба не смолкает и ночью.

Часов в пять утра холодный ветер разгоняет облака, появляются звезды. Затем начинается гаубичный обстрел нашего участка. Огонь на этот раз довольно плотный. Однако уничтожить закопанный по самую башню танк непросто. От таких обстрелов, когда сидишь и ждешь «своего» снаряда, я уже отвык. Все же последние месяцы больше наступали. От дурных мыслей спасало постоянное движение и стрельба по врагу.

Сейчас нам разрешено стрелять только при появлении противника, поэтому сидим молча. Леня Кибалка, мой верный напарник, с кем мы вместе воюем с весны сорок третьего, пытается храбриться. Все дружно дымят. Стрелок-радист, Вася Легостаев, ерзает и что-то бормочет. Рафик Гусейнов без нужды дергает рычаги. Отправляю обоих в окоп под днище танка. Пусть успокоятся. Хотя перед нами имеется артиллерия и пехота, я знаю по опыту, как быстро немцы умеют прорвать линию обороны. Танковым клином на узком участке.

В любом случае открыть огонь успеем. Все три командира машин моего взвода сидят наготове у прицелов. Леня загнал в ствол бронебойный снаряд. Даже если прорвутся штурмо-

вые части немецкой пехоты, звонкий выстрел и свист болванки, летящей со скоростью тысяча метров в секунду, хорошо отрезвляет атакующих.

Обстрел усиливается. Сразу несколько снарядов взрываются неподалеку. В основном гаубичные, способные проломить броню. Огонь, хоть и наугад, направлен на танки. Нас пытаются если не выкурить, то расшевелить. Точного расположения танковых рот фрицы не знают, но, если начнется суета, что-то загорится, снаряды полетят более точно. Накаркал! На позиции второго взвода поднимаются языки пламени. Между деревьями висит пелена дыма. Откуда его столько взялось? Видимость не больше ста метров, хорошая возможность для немцев начать атаку.

Я зову механика и стрелка-радиста. Сидим, ожидая фрицев, но те ограничиваются обстрелом, который прекращается после залпов наших тяжелых шестидюймовок с левого берега Днепра. Такая поддержка очень кстати. Но у гаубичников есть дурная привычка, в спешке неточно укладывать в гильзы пороховые заряды. Поэтому иногда трехпудовые фугасы летят черт знает на какой высоте, а порой взрываются у нас под носом. Но это издержки производства. Там тоже не снайперы.

Когда с оглушительным треском разрывается с недолетом последний, родной снаряд и наступает тишина, экипаж приходит в себя. Все дружно пьют воду, передавая друг другу двухлитровую флягу, потом закуриваем. Вася Легостаев пытается храбриться, Рафик тоже улыбается. Легостаев и Гусейнов еще не привыкли к обстрелам (если к ним вообще можно привыкнуть) и не верят, что снаряд, вой которого слышно, уже пролетел мимо. Для них каждый снаряд летит напрямик в нашу «тридцатьчетверку».

По иерархии механик-водитель второе лицо в экипаже. Но лидерство уверенно держит Леня Кибалка. За его плечами год войны, мы вместе выходили из окружения под Харьковом, прошли путь от Орла до Днепра. Заряжающий держится среди молодых танкистов, как петух в курятнике. В мое отсутствие командует Гусейновым и Легостаевым, учит их всем тонкостям военной жизни. Я ничего против не имею. Кибалка – опытный, бывалый танкист, хотя временами излишне суетливый.

Кто-то тянет на себя приоткрытый командирский люк. В проеме появляется голова посыльного от Хлынова.

– У вас чего? Рация навернулась? Товарищ старший лейтенант вызывает командиров взводов, а вы молчите.

– Рация у нас работает, но Вася Легостаев, по прозвищу Лаборант, поставил рычажок в положение «передача», а не «прием», как положено. Про оплошность радиста я, конечно, не собираюсь распространяться. Зато немедленно реагирует сержант Кибалка:

– У нас все срочно, кроме пожрать вовремя. Кого там петух жареный в жопу клюнул?

– Сиди и чисти свои снаряды, – весело огрызается посыльный. – А кто кого клюнул, командир расскажет, когда вернется.

– Ой, блин, кругом начальники, – оставляет за собой последнее слово Кибалка. – Воевать только не с кем.

Бегу к машине Степана Хлынова. В первом взводе осколком снаряда повреждено танковое орудие. Торчит, как помятая папироса. Снарядом подожжены штук шесть запасных баков с топливом, сложенные в низинке. Полтонны солянки догорают, застилая все вокруг густым дымом. Потерь у нас нет, но танк, в который угодил вчера гаубичный снаряд, отремонтировать не удалось. Двигатель гонит масло, треснул аккумулятор.

Для наступления две машины непригодны. Одна может действовать как неподвижная огневая точка, а вторая – лишь вести огонь из пулеметов. Ротный сообщает обстановку. На левом фланге наших потеснили, там идет бой. Не исключен удар справа. О наступлении речь пока не идет. Подвоза продовольствия тоже нет, мы получаем официальное разрешение – вскрыть НЗ, который уже съеден, не дожидаясь разрешения.

Ладно, без консервов переживем, а вот что будет с нами – неясно. Как всегда, начальство недоговаривает. Судя по всему, обстановка на плацдарме складывается не в нашу пользу. Танки не предназначены для того, чтобы их зарывали, как гробы, в пятистах метрах от противника. Повреждены уже две машины. Пристреляются – выбьют фугасами и остальные.

– Обновить маскировку, – напутствует нас Хлынов. – Находиться в полной боевой готовности. Ночью два человека от каждого танка постоянно дежурят. А командирам взводов отдыхать только днем. Разойдись!

Последняя команда Хлынову удастся лучше всего. Нового ничего не услышали, так, потолкли воду в ступе. Наверное, ротный получил от начальства приказ «усилить боевую готовность». Вот и усилил, собрав командиров взводов.

Хуже нет, когда непонятно, что творится вокруг. Мы даже толком не знаем, какие силы находятся перед нами. Немецких орудий по прямой наводке я не видел, гаубицы бьют с расстояния километров двух. Я уверен только в одном – за нас пока как следует не взялись.

Нарушая инструкцию (не отлучаться от машин!), иду к пехотинцам. Считаю, что важнее более точно выяснить положение дел. Знакомый лейтенант с перевязанной шеей снова просит закурить, обещая, как разбогатеет, вернуть вдвое. Папиросами я уже не шикую. Кончились. Достая трофейный прорезиненный мешочек для табака, где храню моршанскую махорку. Мешочек резво половинят его сержанты, доставая объемистые щепотки. Остаток прячу в карман. Будя! У нас не табачная лавка. Закуриваем.

У пехоты дела неважные. За ночь и утро погибли трое бойцов, шесть раненых отправлены в тыл. Разбило единственный станковый пулемет. Лейтенант вымученно улыбается. По всему видно, он растерян. С Букрина прямая дорога на Киев. Так говорили переправляющимся войскам, а от роты и отделения бронебойщиков остались всего двадцать человек. В благодарность за курево мне приносят в котелке кусок вареного темного мяса. Конина. Я с трудом пережевываю жесткие несоленые волокна.

– Ребята килограммов пятнадцать притащили. Соли вот только нет. – Лейтенант рассказывает, что родом он из Донецка. Вспоминает танцы, на которые ходил перед войной. – Девки молодые, целоваться позволяли, за грудь трогать. А мне уже этого мало. Подвернулась одна, постарше, видно, разведенка. Пошли, мол, со мной, чего зря время теряешь. Ну и пошел. Утром домой приперся, а мать тряпкой по морде. Тебе восемнадцать лет, а ты шляешься, как гулящий мужик.

Лейтенант и два сержанта, командиры взводов, смеются. Я – тоже. Неподалеку хлопает мина. Машинально пригибаем головы. Лейтенант, морщась, трогает шею и продолжает рассказывать про подружку. Я перебиваю его и зову к себе:

– Пошли, повязку сменим. И соли заодно прихватишь.

Леня Кибалка, мастер на все руки, помогает снять бинт и протирает ваткой со спиртом вывернутую рану под челюстью. Немного ниже, и осколок бы пробил кадык. Говорят, со сломанным кадыком человек не живет. Наливаем ротному сто граммов спирта и перевязываем рану. На гимнастерке лейтенанта медаль «За боевые заслуги» и нашивка за тяжелое ранение. Воюет с мая сорок третьего. Первое ранение получил под станцией Белополье. Немец всадил в него длинную очередь в упор, разбил автомат, прострелил обе руки и бок.

– Повезло. Я его морду на всю жизнь запомнил. Молодой, мускулистый, и губы сжаты. Патронов не пожалел. Насмерть хотел свалить. А вот хрен ему! Выжил.

От ста граммов спирта раненый голодный лейтенант быстро хмелеет. Кто-то из ребят провожает его к своим, а вскоре заявляется старшина с помощником. Старшина торопится, требует, чтобы мы быстрее несли котелки.

Пшеника густая, с кусками баранины. С хлебом туговато, получаем буханку на экипаж, зато каждому достается по две пачки махорки. Водку, вернее, разбавленный спирт, старшина наливает в нашу двухлитровую флягу из-под воды. Меркой служит обычная алюминиевая

кружка. Водкой танкистов обычно не обделяют, но сейчас старшина явно жметя. Когда он пытается закрыть канистру, я беру у Кибалки флягу и заглядываю внутрь.

– А ну, постой, труженик тыла. Тебя кто научил так мерить? Здесь всего полтора литра.

Старшина пытается огрызнуться. Фраза насчет «труженика тыла» ему не нравится. Но старшины знают, кого из взводных можно осадить, а с кем лучше не связываться. Тем более на моей стороне ветеран бригады, Слава Февралев. Он доходчиво объясняет на пальцах и матюками:

– На двенадцать человек за вчера и сегодня, это уже два с половиной литра. А старлей Волков для тебя не авторитет? Считаешь, ему и мне тоже порции по сто граммов положены? Или, может, у тебя с головой плохо?

Старшина доливает флягу до верха и отмеряет еще две кружки в обычную восьмисотграммовую фляжку, которую вручает лично мне. Фамилия старшины Саватеев, отсюда прозвище Сват. Должность у него неплохая, успел даже заработать медаль и пережить несколько ротных командиров. Двое других взводных вряд ли дождутся от него такой щедрости. Просто старшина нюхом чувствует, кто может стать его следующим начальником, а кто занять в ближайшее время должность взводного. Собираясь идти дальше, сообщает, что его с помощником по дороге два раза обстреляли.

– Еще одну медаль заслужил, – ухмыляется Зима.

– Может, и заслужил. Много вы тут без харчей, махорки да водки навоюете.

– Что там, на переправе? – спрашиваю я.

– Ничего хорошего. Обстрелы. Раненых много.

– Подкрепление идет?

– Боеприпасы везут. А чтобы подкрепление... не видать. Может, ночью. Ну, ладно, мы пошли.

День проходит сравнительно спокойно, если не считать, что мерзнем от холодного ветра. Выпив спирта и перекусив, спим, кто где приткнется. Пользуясь тем, что лес хорошо прорежен, нас издали пытается достать снайпер. Сильно не высовываемся, и старания немецкого стрелка пропадают даром. Мы по-прежнему молчим. Ведет огонь лишь пехота и минометчики. Кибалка, вооружившись биноклем, выползает на обрыв и долго осматривает вражеские позиции. Возвратившись, докладывает, что фрицы ведут себя спокойно. Слишком спокойно.

«Жди гадости, – подвожу я итог. – На плацдармах курорта не бывает».

Чтобы это знать, большого ума не требуется. Экипаж со мной согласен. И, действительно, через сутки обстановка резко меняется. Кажется, немцы начинают наступление.

На правом фланге гремело и ухало особенно сильно. Вспышки отражались в сырых, повисших над деревьями облаках желтыми, красными сполохами. Они возникали и гасли мгновенно, словно короткие молнии. Вы видели когда-нибудь оружейный взрыв? Это всего лишь грохот, дым, взлетающая земля. Но когда снаряд находит свою цель, следует мгновенная вспышка, которую гасит взрывная волна. Затем начинает гореть разбитая машина, ящики со снарядами или блиндаж со всем содержимым. В том числе с людьми, пытавшимися укрыться под накатами бревен и земляной подушки. Все это легко пробивают пудовые снаряды самой массовой в частях вермахта 105-миллиметровой гаубицы или шестидюймовые мины реактивных шестиствольных минометов.

Земля ощутимыми толчками сотрясала танк. Значит, где-то падали бомбы или тяжелые снаряды. Вася Легостаев, получивший взбучку за ротозейство, не отрывался от радики. Велся направленный обстрел нашей роты и пехотных подразделений, переброшенных за последние сутки. Не сказать, что нас долбили с таким ожесточением, как соседей на правом фланге, но сидеть в машине было не слишком уютно.

Я выглянул из люка. Выезд из капонира (аппарель) частично завалило рыхлой грудой земли, обломками веток, посеченными корневищами. Вскочил из машины. Чутье подсказывало, что на плацдарме заваривается крутая каша. Могут ввести в бой нашу роту. Февралев и младший лейтенант Женя Пимкин, командир третьего танка, тоже высунулись и смотрели на меня.

– Ребята, повреждений нет? – Бог миловал.

– Всем быть готовым.

– Всегда готовы, – заверил Февралев. – К чему только? – Ко всему. Люки прикрыть и башку не высовывать. Вернувшись к своей машине, позвал Гусейнова и пока зал заваленную землей аппарель:

– Надо отгresti. Бери лопату, я подошлю Кибалку.

Мимо цепочкой семенили десятка полтора минометчиков. Обвешанные плитами, стволами, ящиками с минами. Снаряд врезался в тополь, почему-то не взорвался (может, броневой) и, бешено вращаясь, пропахал борозду во влажной земле. Все упали и с полминуты лежали неподвижно. Потом вскрикнул, заохал один из минометчиков. Рифленую жестяную коробку, которую он нес в руке, смяло, мины валялись под ногами. Парень тряс кистью с растопыренными пальцами.

– Отсушило... снаряд прямо в меня летел.

Он охал и тыкал носком сапога в борозду, которая прошла рядом с ним. Но этот отделался лишь страхом. Другой минометчик, младший сержант, стоя на коленях, сжимал ладонями лицо. Щепка, отколота снарядом, ударила в челюсть, сломала ее и прорвала кожу. Из раны торчали мелкие кости. Парень выплюнул на ладонь выбитые зубы, морщась, стряхнул их в траву. Рядом продолжал скулить парень с «отсушенной» рукой. Скорее всего, он был просто напуган.

Крепко напугало и моего механика-водителя Гусейнова. Он застыл с лопатой в руке, глядя, как бинтуют раненого сержанта, который держался молодцом. Раны в челюсть и лицо – дело паршивое, долго не заживают. Но у сержанта рана не смертельная. Заживет. Я подтолкнул Гусейнова:

– Двигайся, сгребай землю.

Знакомясь с экипажем, я спрашивал у механика-водителя, бывал ли он в бою. Рафик ответил что-то бодрое, но невнятное. Вроде побывал и порошу понюхал. Сейчас на его лице отражалось такое смятение, что я понял – страх сломил его. Он дважды ронял лопату и по-прежнему глядел на раненого минометчика, голову которого обмотали бинтом от подбородка до макушки. Оставили лишь узкие щелки между губами и носом. Там вздувались от дыхания кровяные пузыри, а бинт во многих местах пропитался красным.

Тополь был толщиной больше метра. Оглушительный удар вырвал кусок до самой сердцевины, а затем бешено крутившаяся болванка прошла рядом с нами. Рафик видел это и сломанную челюсть минометчика с торчавшими костями. Наверняка он уже прокрутил в мозгу, что болванка лишь случайно не угодила в него. Во что превратилось бы человеческое тело, если разлетелся в щепки огромный кусок древесного ствола?

Я машинально сделал несколько шагов и потрогал выщербину в дереве, еще не успевшем сбросить листья. Ладонь стала мокрой от сока, который стекал по живой древесине и серо-зеленой коре. Война никого не щадит. Но даже если дерево переломится от зимних ветров, то корни дадут новые побеги. С людьми так не получается. Такие удары убивают наповал. Возвращаясь к танку, поймал взгляд механика-водителя.

– Рафаил, ты чего застыл? – прикрикнул на него Кибалка, лихорадочно разгребавший землю. – Обоссался, что ли?

– Я... нет, нет.

Гусейнов тоже взялся за лопату. Очередной снаряд рванул неподалеку. Увесистый комок дерна, прилетев сверху, разбился на мелкие частицы прямо перед нами. Попади этот комок на спину или голову, могло бы закончиться печально. Я взял третью лопату. Необходимо было срочно очистить чертову аппарель.

– Пять минут разомнемся и нырнем под танк, – сказал я, пытаюсь подбодрить механика-водителя.

Но провести еще пять минут среди летящих снарядов, кусков земли, падающих прямо на голову, казалось младшему сержанту Гусейнову совершенно ненужным риском.

– Надо в танк, – сообщил он мне.

– Куда надо? Мы же не выползем в случае чего, – кричал заряжающий Кибалка.

Броня танка, казавшаяся Рафаилу Гусейнову такой уязвимой и тонкой, сейчас оставалась единственной защитой от неминуемой смерти. Какая к чертям работа под огнем! Он просил, умолял меня глазами отменить приказ и разрешить укрыться в танке. Я отвернулся, и мы быстро расчистили выезд для машины. Тем более обстрел вскоре прекратился.

Экипаж занял свои места, я пристроился у перископа. Появилась еще одна проблема – струсивший механик! В принципе, это болезнь многих новичков. Страх когда-то сковывал и меня. Прошло. Плохо, что страхом заразился именно механик-водитель. Слишком многое зависит от него в бою. Лучше бы так боялся радист Вася Легостаев. Но Вася насвистывал «Рио-Риту» и раскачивался в своем сиденье в такт песенке.

– Брось свистеть, – не выдержал я.

– Что, примета плохая? – отозвался стрелок-радист. На его лице играла доверчивая улыбка и готовность немедленно прекратить свистеть, если это навредит экипажу.

– Примета или не примета... нельзя перед боем свистеть.

– А что, будет бой? – почти радостно спросил бывший лаборант.

– Будет. Радоваться только нечему.

Плохи дела на плацдарме. Ох, плохи. Но такими мыслями я мог поделиться лишь с Зимой или со старым другом, Леней Кибалкой. Молодежь пугать нечего, а ротному я пока чужой. Он меня не поймет.

ГЛАВА 3

Кто доживет до заката?

– Волков, слушай сюда!

Старший лейтенант Хлынов Степан Афанасьевич лично явился для инструктажа. На правом фланге идет бой, немцы наступают. Мне следует взять экипаж Февралева и двумя машинами срочно двигать в квадрат номер такой-то, в распоряжение командира стрелкового полка.

– Будешь находиться там до особого распоряжения.

– Есть.

Квадрат расположен на правом фланге, где среди низких октябрьских облаков вспыхивают зарницы. Там предстоит не «находиться», а воевать. Если бы не бдительный майор Гаценко, я бы командовал ротой и не лез сам в каждую дырку. Но я снова «ванька-взводный», да еще с сомнительным прошлым. Дуй вперед, завоевывай доверие.

Танк пополз задним ходом из капонира. Двигатель, взревев на слишком высоких оборотах, заглох. Господи, как противно звенит стартер.словно в задницу загоняют гвоздь. И дело не только в недостаточном опыте механика. Нас слишком торопит Хлынов. Быстрее, быстрее!

Двигатель, не успевший толком прогреться, наконец вытолкнул наверх нашу двадцативосьмитонную машину с усиленной челябинской броней. Есть такой город на южном Урале, где побывали в августе вместе с Леной Кибалкой. У обоих там остались подруги. Леня продолжает переписываться со своей девушкой и даже подумывает о женитьбе. Звонкий удар по броне встряхивает машину. Я едва не вцепился подбородком в металл, успел подставить руку.

Лес еще более поредел от снарядов и опавшей листвы. Когда мы выскочили из капонира, сразу попали под огонь противотанковых пушек. Фрицы неплохо пристреляли квадрат, и стрельба была довольно точной. Но мы успели задним ходом уйти в низину. Под гусеницами хрустнули прогоревшие обломки запасных баков, в которые дня три назад попал немецкий снаряд. Затем свернули на склад бригады, где нас загрузили дополнительным боезапасом.

Столкнулся нос к носу с Николаем Фатеевичем Успенским. Он привел свой батальон тоже загружаться снарядами. Есть же люди, с которыми каждый раз неприятно встречаться! Особенно перед боем. Еще меня задело, когда Успенский начал хвалиться, что ему поручено «нешуточное дело»:

– С ребятами маршала Рыбалко будем действовать. Чуешь?

Это намек, что танки Третьей гвардейской армии Рыбалко переходят в наступление, а капитан, как всегда, в гуще событий. Я хорошо изучил повадки «дальневосточного сидельца» Успенского, который никогда не рвался вперед. Но, имея под командой целый батальон, можно руководить и с тыла.

– Повезло, – согласился я. – Рыбалко удары умеет наносить. У него комбаты прорыв возглавляют. Впереди идут. Попробуй отстань.

Не смог я удержаться от подковырки, зная трусоватость Успенского. Ребята Рыбалко! И он туда же, в гвардейцы. Фатеич немного растерялся, крикнул, чтобы быстрее грузились, и, успокаивая себя, сказал:

– Не напасешься комбатов, если их вперед посылать. Мое дело – обеспечить боевые действия. Разные у нас с тобой масштабы.

Но когда отъезжал, я почувствовал, что спеси у дальневосточника убавилось. Если пойдут в прорыв части 3-й танковой армии, то Успенскому в тылу не отсидеться. Почему-то стало противно и за свои подковырки, и за капитана Успенского, который будет гнать людей вперед, не глядя, лишь бы начальству угодить. Водилось такое за Николаем Фатеевичем.

Вскоре эти мысли ушли из головы. Мы двигались навстречу усиливающейся стрельбе. Казалось, весь плацдарм пришел в движение. Разминулись с дивизионом противотанковых пушек, большой колонной пехоты. На скорости, ломая подлесок, обогнали обоз. Ездовые, в длинных шинелях и натянутых на уши пилотках, проводили глазами два лязгающих танка, несущихся сломя голову. Почему они натянули пилотки на уши? Неужели так холодно! Мне было жарко.

– Я броневой загнал, – похвалился Кибалка. – Правильно?

– Правильно.

Потом замолчали. На поляне валялись сразу три разбитые полевые кухни, мертвая лошадь. Неподалеку похоронщики, в телогрейках и сапогах, стаскивали тела убитых красноармейцев к вырытой братской могиле. Что здесь произошло, было ясно. Привезли обед-ужин, набежали бойцы. По толпе шарахнули шрапнелью или обстреляли самолеты. Обычная вещь на войне. Фрицы подстерегают наших голодных бойцов, облепивших кухни, ну а мы, не теряясь, бьем по их котлам, когда там собирается очередь за горохом и свиной.

Командир стрелкового полка, подполковник лет пятидесяти, оглядев оба танка, не стал задавать вопросов, почему пришло так мало машин. Возможно, рассчитывал на роту. Коротко объяснил ситуацию. Немцы навели понтонную переправу через речку, впадающую в Днепр, и активно атакуют. Речушка – один из оборонительных рубежей плацдарма. Если не отобьемся, не сорвем переправу, то немцы отхватят кусок берега, и с обрыва смогут вести более точный огонь по мосту через Днепр... и вообще.

«Вообще» – звучало неопределенно, но плохо для нас. Немцы вгрызались в плацдарм со всех сторон, и каждый захваченный кусок земли означал укрепление их позиций, стискивание наших войск, а значит, и более эффективное их уничтожение даже стрельбой по площадям. Не целясь.

Ниточка моста через Днепр, километрах в двух с половиной у нас за спиной, была надорвана в двух местах. Подвоз техники застопорился, но змейками продолжали двигаться вереницы людей: пополнение на правый берег и раненые – на левый. Обстрел моста продолжался. Хорошо хоть над ним кружили наши истребители, отгоняя немецкие самолеты. Но мост через Днепр – это забота высокого начальства.

У пехотного полка и приданных ему подразделений задача была более скромная. Разбить переправу и не пустить фрицев дальше. Мне лишь не совсем понятно, зачем понадобились мы? Разве не было возможности размолотить тридцатиметровый понтонный мост артиллерией полка? Я не стал ничего спрашивать, а подполковник не счел нужным что-то объяснять. Коротко добавил, что я поступаю в распоряжение командира второго пехотного батальона, и, отвернувшись, дал понять: разговор закончен.

Комбат-2 удивил меня возрастом, малым ростом и экипировкой. Капитан, лет двадцати трех, носил шапку-кубанку, солдатскую, туго подпоясанную телогрейку и длинноствольный «Люгер» в деревянной кобуре. Быстрый, как живчик, он сообщил, что немцы наступают в нескольких местах, а в батальоне, вместе с тыловиками и недавним пополнением, всего двести активных штыков. Мы выбрались с ним на бугор, служивший НП батальона, и я осмотрел в бинокль передний край.

Немцы перебросили через речушку металлические понтоны, по которым небольшими группами перебежали солдаты. Мост обстреливали наши 82-миллиметровые минометы. Огонь велся так себе, редкий. Одна мина в две-три минуты. Кроме того, по переправе били несколько пулеметов. Два понтона сумели притопить, поверх моста текла вода, мешавшая переправлять технику.

Немецкие саперы, несмотря на огонь, возились среди понтонов, работала газосварка. Ремонтный вездеход-амфибия с подъемной стрелой прилепился к мосту, там тоже возились

саперы. С левой стороны речки-притока били в нашу сторону несколько 75-миллиметровых пушек и минометная батарея. Не меньше десятка скорострельных МГ-42 густо выстилали разноцветные пулевые трассы.

– Почему наша артиллерия молчит? – спросил я. – Думаешь, два танка спасут положение?

– Артиллерии нет, – ответил комбат. – Батарею «полковушек» полностью размолили. Гаубицы еще ночью на другой участок забрали. А «сорокапятки» берегут на случай прорыва танков. Да и не разобьешь ими переправу, калибр мелковат. Тут еще одна заковыка. Если фрицы местность перед речкой займут, до моста через Днепр всего два с небольшим километра останется. Чувешь?

– Чую.

Я знал, что дальнобойность батальонных немецких минометов составляет два с половиной километра. Этого добра у фрицев, как грязи. Нароят окопов и начнут сыпать на днепровский мост 80-миллиметровые мины сотнями. Минометные позиции трудно обнаружить. Глубокий узкий окоп, и пламени от выстрелов не видно.

– Вот такое дело, – подтвердил мои догадки комбат. – Так что приказ, как в июне сорок второго: «Ни шагу назад». А тебе задача – раздолбать переправу. Коротко и ясно.

Ну что ж, яснее некуда. Успенский с «ребятами Рыбалко» готовился творить великие дела, а мне предстояло всего-навсего уничтожить понтонный мост длиной тридцать метров. Или чуть больше. Об который обломала зубы артиллерия полка. Ладно, будем выполнять приказ, звучавший довольно странно. Два танка к бою. Ура!

Свое плохое настроение я постарался не показать. Ни к чему портить настроение ребятам. Долго рассматривал местность в бинокль. До того долго, что меня поторопило полковое начальство. Я огрызнулся и, перелопатив несколько вариантов, наконец выбрал позицию для стрельбы.

Это был хорошо прореженный снарядами подлесок и осиновая рощица. За деревья можно отгонять танки после стрельбы. Если будет что отгонять. Встретят нас тепло. Об этом я догадался, увидев бывшую позицию полковых трехдюймовок. Полгектара перепаханной земли, разбросанные обломки двух пушек, тела артиллеристов, исковерканные и застывшие в самых невообразимых позах. Третье орудие стояло скособочившись, с оторванным колесом и разорванным щитом. Короткий ствол вышибло из креплений и задрало вверх, словно минометную трубу. Здесь все ясно. Как говорится, дрались до последнего. Но я все же спросил у маленького комбата:

– А четвертая пушка где?

– В... – рифмованно отозвался капитан. – Сосчитай куски и найдешь. Ты давай, поторапливайся.

– Батареицы поторопились. А мне с двумя стволами суетиться ни к чему. Ладно, не трепайся. Выбрал я уже позицию, сейчас приступим. Тебя зовут-то как?

– Федор... Федор Матвеевич, – отозвался капитан.

– А меня Алексей. Считай, познакомились.

– Может, спиртяжки хлебом, Леха? За знакомство и для меткости.

– Выпей, а мне нельзя.

– Трезвенник, что ли?

– Монахом еще назови. Просто реакция в бою притупляется. Вести огонь придется с подскока. Пяток снарядов и рви когти, меняй позицию.

Я оглядел напоследок полосу обороны еще раз и обнаружил, что искал. Остатки батареи дивизионных орудий ЗИС-3. Пушки были примерно такой же мощности, как и наши, танковые. Позиция была перепажана с не меньшей старательностью, чем окопы «полковушек». Обломки орудий, трупы, оторванный длинный ствол с откатником и характерным дульным тормозом.

– Федя, а ведь здесь не «семидесятипятки» работали. Калибр посolidнее.

– Возможно, – пожал плечами комбат. – Из глубины стреляли. Точно лупили, сволочи.
– Значит, 88-миллиметровки. Они, между прочим, нашу лобовую броню за полтора километра прошивают.

– Ну и что теперь? Задний ход? Тебе дали приказ...

– Ладно, хватит, – отмахнулся я. – Хорошо на чужом горбу выезжать.

– Много я на чужих горбах наездился! – кричал вслед маленький комбат. – За два дня почти сто человек убитыми потерял.

Я вернулся к «тридцатьчетверкам». Объяснил ситуацию, показал место, откуда будем вести огонь. Расстояние до цели полтора километра или чуть больше. Фрицевские «гадюки», калибра 75 миллиметров, конечно, опасны, но увернуться от них можно. Главное, не попасть под снаряд новой пушки «восемь-восемь».

– Ребята, выскакиваем из-за осин, – инструктировал я подчиненных, – выбираем в подлеске более-менее открытое место и бьем фугасными снарядами. Столб разрыва высокий, по ним и определяемся. Кто попадет в понтоны, бьет следом осколочным. Думаю, раз пять выстрелить успеем. Может, шесть... Механики, слушай сюда. После третьего выстрела включайте заднюю передачу и держите ногу на педали главного фрикциона. Педаль не отпускать, пока не дам команду «назад». Ясно?

– Ясно, – закивали механики-водители.

Почему я волнуюсь? Даже руки трясутся. Пара недель переформировки и сравнительно спокойной жизни расслабляют человека. Задача хоть и опасная, но выполняемая. Понтонов штук двенадцать. Удачно выпущенным снарядом (особенно осколочным) можно издырывать сразу пару штук.

Оба танка стояли среди осин. Редкие желтые листья падали вниз. Вместе со Славой Февралевым и механиками-водителями мы уже сходили, выбрали точки, откуда будем стрелять, наметили путь туда и назад. До огневой позиции метров сто двадцать. Вначале под прикрытием осин, затем редкий березняк, хилые кусты и открытый, как пуп, бугор, с которого удобно целиться. И удобно получить болванку (или кумулятивный снаряд) прямо в лоб.

Поперек пути, который нам предстоит пройти, лежало мертвое тело. Откуда оно здесь взялось? Надо бы убрать. Я хотел приказать Кибалке оттащить труп в сторону, но, угадывая мои мысли, сержант хрипло проговорил, что это немец. И закашлялся. Ленька, дружок, ты тоже нервничаешь? Ладно, пора.

– Рафик, вперед!

Девятнадцатилетний механик-водитель из города Астара Рафик Гусейнов, отчаянно трусивший утром, сейчас действовал неплохо. Мы пролетели сто двадцать метров и остановились как вкопанные. Отсюда, с бугра, хорошо был виден Днепр, затон, впадающая в него безымянная речушка, сжатое невспаханное поле и передний край обороны. Я ловил в прицел «мой» край переправы, ближе к правому берегу речки. Мешала целиться береза, а может, мне лишь казалось, что она мешала!

– Рафаил, еще пять метров!

Я бездарно терял секунды. Звонко хлопнула пушка Февралева. Но хотелось быть уверенным в правильно выбранной позиции. Танк продвинулся вперед. Сейчас ничего не мешало. Я выпустил фугасный снаряд, когда Февралев уже выстрелил второй раз. Недолет! Слегка повернул рукоятку вертикальной наводки. Снова недолет. Попал с четвертого выстрела, что-то взлетело вверх.

– Ленька, осколочный!

– Готово!

Четыре или пять выстрелов подряд. По крайней мере, один из снарядов смял понтон, образовав небольшую брешь в цепочке. «Семидесятипятки», прикрывающие переправу, поймали нас в прицел и тоже открыли огонь.

Трассирующий снаряд летел прямо в танк. При солнечном свете бронебойные трассеры не видны. Но сейчас, когда фиолетовые дождевые облака висели над холмами, а пасмурный день напоминал сумерки, светящийся желтый мячик приближался с пугающей быстротой. Кто-то ахнул. Снаряд пронесся в стороне, но своим воем сбил наводку. Я промахнулся два раза, затем снова попал. Еще один трассер, уже совсем близко. Надо уходить. Я выстрелил, и танк рванул задним ходом назад.

Открыли огонь 88-миллиметровки. Болванка срезала несколько небольших деревьев. Я успел разглядеть горящий вездеход-амфибию, но цепочка понтонов продолжала связывать оба берега, хотя по мосту уже никто не бежал. Остановились под прикрытием осин. Пущенный вдогонку снаряд снес верхушку дерева. Брызнув сломанными ветками, она шлепнулась рядом с гусеницами танка. Еще несколько снарядов взорвались подальше.

Вызвал по рации Февралева:

– Слава, пойдем, глянем, как сработали.

Двоем со старшим сержантом побежали к месту, откуда вели огонь. Рассматривали в бинокль переправу. Сколько было попаданий? Наверное, штуки три, не меньше. Один понтон исчез под водой. Соседние под его тяжестью, возможно, пробитые осколками, тоже притонули. Но цепочка наплавных емкостей, наверняка оборудованных переборками, продолжала связывать оба берега. По мосту осторожно двинулась пехота. С грузовиков, подъехавших к берегу, сбросили на воду плоскую посудину, следом за ней два понтона.

Я не имел дела с наплавными мостами и не знаю, насколько они прочны. Февралева, наверное, тоже. Мы успели выпустить штук по десять-двенадцать снарядов. Что-то повредили. Однако главной цели не добились. И что хуже всего, второй возможности вести такой интенсивный огонь нам не дадут. Немецкие артиллеристы сейчас наготове. Ждут появления танков, и вряд ли поможет, если мы уйдем влево-вправо. Местность позволяла маневрировать на участке шириной метров сто пятьдесят. Секунды, чтобы повернуть стволы орудий и поймать нас в прицел.

– Хреново сработали, Слава...

– Почему? Нормально. У нас же не гаубицы, а каждый понтон в длину метров семь.

– Перемещаемся правее. Больше трех-четырёх выстрелов сделать не успеем. Лучше несколько подскоков.

Февралева согласно кивнул, и мы снова побежали к машинам. Со второй попытки успели выпустить девять снарядов, но нас уже поджидали. Последние выстрелы делали уходя, почти наугад. Зато болванки немецких орудий вспахивали землю и ломали деревья совсем рядом. Ну что, Бог троицу любит? Давай!

Давай! Емкое слово, а результат оказался паршивым. «Тридцатьчетверка» Славы Февралева горела. Болванка пробила лобовую броню возле курсового пулемета. Стрелок-радист погиб, заряжающему оторвало ступню. Старший сержант вместе с механиком-водителем едва успели его вытащить и отнести в сторону. Фрицы добились из гаубиц танк Февралева, досталось и нам. Крупные осколки пробили кожух орудия и надорвали гусеницу. Пока спешно гнали задним ходом, гусеница порвалась окончательно. Приехали!

Экипаж взялся за ремонт. Февралева и механик-водитель принесли раненого башнера. Его надо было срочно отправлять в санбат. Несмотря на жгут, из обрубка сочилась кровь. Старший сержант и механик, оба оглушенные, сидели и курили. Дать своих людей для эвакуации раненого я не мог. Рафик не имел достаточного опыта в ремонте, распоряжался я. Хорошо, хоть огонь прекратился. Механик Февралева, тоже старший сержант, не выдержав, поднялся:

– Отдохни, старшой. Без меня, гляжу, не обойдутся.

Приехал на джипе маленький комбат и майор из штаба полка. Комбат оглядел раненого и поцокал языком. Майор обошел «тридцатьчетверку», пощупал рукой пробитый кожух, откуда торчал осколок.

- Орудие повреждено?
- Исправно.
- Снаряды имеются?
- Так точно.
- Почему не ведете огонь?

Почему? Потому что стоим в лесу и ремонтируемся. Майор стал доказывать, что огонь можно вести и с закрытой позиции. Вместе с Легостаевым, сбросив телогрейки, мы тянули изо всех сил один конец гусеницы. Объяснять, что танковые орудия не предназначены для ведения навесного огня, не было времени. Но объяснять пришлось, потому что майор кричал о судьбе плацдарма и хватался за кобуру. Обычная реакция начальства в таких ситуациях, к которой я давно привык. Может, только поэтому не сорвался, а терпеливо объяснил:

– Товарищ майор. Для стрельбы с закрытой позиции нужна телефонная связь. Метров сто кабеля и два телефонных аппарата. У нас этого добра нет. Да не хватайтесь вы за кобуру! Надоело. Через полчаса ремонт закончим. Лучше отвезите раненого.

Вмешался маленький комбат Федор Матвеевич и сказал, что это разумно. Пока майор обдумывал дальнейшие действия, запищала рация. Меня вызывал командир роты.

Хлынов интересовался, как идут дела. Майор вырвал трубку и пригрозил Хлынову трибуналом за срыв приказа.

– Твои ничего толком не сделали, оба танка навернулись. Было приказано прислать взвод, а не две машины.

Майор напирал со злостью, козырял неизвестным мне генералом. Хлынов пообещал прислать еще один танк. Потом все немного успокоились и даже сходили глянуть на переправу. Все же мы ее крепко побили. Половина моста была под водой, один из понтонов стоял торчком. Майор сказал, что если я удачно вложу еще пяток снарядов, то переправе конец. За ее уничтожение посулил орден.

Благодарить майора за обещание не стал. На джипе отправили в санчасть покалеченного башнера. Гусеницу натянули, проверили орудие, сделав пробный выстрел. Сели покурить на мокрую траву возле танка. Ветер снова разогнал облака, показалось солнце. Часы показывали половину второго, но казалось, что мы находимся здесь уже сутки. Кибалка, жмурясь от солнечных лучей, пробормотал:

– Неужели опять под снаряды лезть...

Он не спрашивал, а просто констатировал факт. Я ничего не ответил, и сержант, вздохнув, пожаловался:

- Перебьют нас всех до вечера. И целиться удобно. Солнышко борт освещает.
- Брось, Ленка, – попросил я. – Не наводи тоску.

Вскоре в сопровождении бойцов пехотного батальона прибыл Женя Пимкин со своим танком. Не слишком надеясь на опыт «шестимесячного» младшего лейтенанта, я предложил Февралеву сесть за прицел. Пимкин сразу надул от обиды губы, а Зима посмотрел на меня с выражением: «Ты, случаем, не заболел, взводный? Чудом живым выбрался, а он опять под снаряды зовет. Два раза чудес не бывает, расхлебывай сам».

И молча пошел прочь. С такой же молчаливостью я проглотил враждебную реакцию старшего сержанта. Зажрался ты, Февралев. Ну и черт с тобой! Объяснил тактику ведения огня Пимкину:

– Женя, двинешься в полсотне метрах справа от меня. Добивай ближний край переправы. Дашь задний ход сразу за мной. Никакой самодеятельности, понял?

– Так точно.

У Пимкина круглое лицо и пухлые детские губы. Он, как и я, учился в Саратове, но его танковое училище было номер три. Танкистов не хватает, и создаются новые училища. Был бы толк! Жене недавно исполнилось восемнадцать, он уверял, что закончил училище на

«хорошо» и «отлично». Правда, боевые стрельбы за восемь месяцев проводились раза четыре. Плюс немного пострелял в запасном полку. Ладно, все мы набираемся опыта в бою. Если успеваем.

Мы сменили позицию и выскочили для ведения огня немного в стороне. Я выстрелил три раза. Ответный снаряд прошелестел совсем рядом. Второй врезался в землю, от ricoшети и ударил машину в бок. Мы гнали задним ходом под защиту деревьев. Пимкин замешкался. Он стрелял торопливо, мазал и непременно хотел поразить цель. В бою теряется чувство времени и ощущение опасности.

– Женька, назад! – крикнул я Легостаеву, но радист не успел передать приказ.

Танк младшего лейтенанта Пимкина, принявшего свой первый бой на Букринском плацдарме, получил снаряд в лобовую часть башни. Наверняка это была болванка калибра восемьдесят восемь. Литую «башню-гайку» сдвинуло мощным ударом. Я отчетливо видел происходящее, расстояние до машины Пимкина было совсем небольшое. Откинулся командирский люк. Еще одно попадание, и показавшаяся в люке верхушка шлема исчезла. Неуправляемая «тридцатьчетверка» разворачивалась, подставляя борт.

– Женька, назад! Полный ход.

Я снова кричал в микрофон рации, которую подсунул Вася Легостаев. «Тридцатьчетверка» младшего лейтенанта Пимкина катилась, как в замедленном фильме. Когда я выскочил и добежал до нее, из узкого отверстия между сорванной с погона башней и корпусом выбился язык пламени. Второй танк из моего взвода погибал у меня на глазах вместе со всем экипажем, оглушенным, контуженным сразу двумя попаданиями. Возможно, все четверо были уже мертвы.

Я дернул приоткрытый водительский люк. Дым из него не шел. Но машина изнутри освещалась желто-красным светом, как в кочегарке, где в замкнутом пространстве гудит и бьется пламя. В раскаленной топке находились люди, которых я хорошо знал. Все четверо – молодые ребята одного возраста с Пимкиным.

Огненный язык лизнул лицо, я отшатнулся. Пламя, скручиваясь в спираль, било из командирского люка и щели под башней. Я понял, что сейчас рванут снаряды, и побежал в сторону. Натолкнулся на Февралева, оба упали. Позади рвануло, сбросило на землю башню.

Огонь, вырвавшийся из железной утробы, взвился, выталкивая шапку черного маслянистого дыма. Продолжали взрываться снаряды, ручные гранаты. Выброшенная орудийная гильза, по-змеиному шипя, ударилась возле нас. Мы поднялись и побежали прочь.

Лезть вперед я пока не рискнул. Выждем с десятков минут. Отогнали машину немного подальше от горящего танка Жени Пимкина. Он служил хорошим ориентиром, в этот квадрат сыпались гаубичные снаряды. Опять курили, думая об одном и том же. Ребята поглядывали на меня, ожидая и не веря, что я снова поведу их обстреливать переправу. Февралева со своим механиком оставался с нами, хотя сидел немного поодаль.

На войне смерть часто приходит совсем с другой стороны, откуда ее не ждешь. Сколько их было, фигур в камуфляжных куртках? Пять-шесть... может, больше. Их первым увидел Кибалка с его кошачьим зрением:

– Командир, бей... нас сейчас поджарят!

Ленька разворачивал башню, на это требовалось время. Но требовалось время и гранатометчикам, стоявшим рядом с осинкой, чтобы прицелиться в нас. Один держал на плече массивную длинную трубу с рамкой, какими-то упорами, а другой немец – запасную гранату длиной с полметра. Еще я разглядел, что оба были в противогазах. Не раздумывая, что это означает, я нажал на спуск.

В казеннике оказался бронебойный снаряд, а до гранатометчиков в камуфляже было метров сто. Я промахнулся, но болванка, пронесшаяся рядом со стрелком, крутанула его, вышибла

из рук гранатомет. Динамический удар сбил немца, мелькнули ноги, и тело закувыркалось по листе.

Кибалка загнал новый снаряд (не пойму, почему мы не стреляли из пулемета?), взрыв свалил осину, срезал веером осколков ветви соседних деревьев. Стучали автоматные очереди, рядом с танком кто-то кричал от боли. Я выпустил вслед убегающим третий снаряд, а из люка уже выскакивал разъяренный Кибалка с автоматом в руке.

– Ты куда? Стой.

– Они нас поджарить хотели, суки. Щас я им...

Когда выскочил и я, то первое, что увидел, лежавшего на земле механика-водителя из экипажа Февралева. Слава, расстегнув гимнастерку, пытался его перевязать. Бесполезно. Несколько пуль попали в грудь и живот, некоторые – разрывные. Мелкие осколки разворотили внутренности и вышли наружу через кожу живота. Десятки крошечных кровоточащих дырочек и входные отверстия от пуль. Нашему товарищу не смог бы помочь ни один хирург.

Рядом с механиком и Февралевым лежал автомат ППШ и трофейный «вальтер» Зимы. Они тоже стреляли в гранатометчиков, а кричал смертельно раненный механик-водитель.

Я подошел к немцу в камуфляже. Бронебойная болванка его не задела, но динамическим ударом переломало кости и крепко шваркнуло о дерево. В агонии он успел стянуть с головы противогаз. Светловолосое, искаженное гримасой боли лицо. В одной руке зажат пучок сухих листьев. Я поднял длинную толстую трубу гранатомета «Офенрор». Эта штука мне давно знакома. Реактивная мина, весом два килограмма, пробивает кумулятивной струей на таком расстоянии любую броню. «Фаустпатронов» у немцев пока мало, а эти костыли неудобны в обращении – надо защищать при выстреле от раскаленных газов лицо и руки.

Пришел Кибалка с трофейным автоматом, обвешанный чехлами с запасными магазинами и гранатами. Сообщил, что одного фрица разнесло снарядом на куски, а второй пытался уползти, но сержант его добил. Остальные убежали.

– Кишки на ветках висят, – возбужденно рассказывал Ленка. – А я вот боеприпасом разжился. Костыль брать с собой?

– Не надо. Обращаться не умеем, шарахнет в руках. Молча пошли к машине, где Февралева уже накрыл полотенцем мертвое лицо своего механика-водителя.

Много ли значила та переправа через безымянный приток Днепра и немецкое наступление на одном из участков Букринского плацдарма? Крошечный эпизод войны. Ценой шести погибших ребят и двух сгоревших танков мы утопили часть понтонов и на сколько-то времени прервали переброску техники и пехоты.

Потом налетели две тройки штурмовиков «Ил-2», сбросили бомбы, выпустили ракеты, добив понтонный мост и хорошо вспахав немецкие позиции по обоим берегам. Возможности штурмовиков с нашими танками не сравнишь. У каждого по две бомбы-стокилограммовки, ракеты, 23-миллиметровые автоматические пушки. Если удачно вложить даже одну бомбу, понтоны раскидает, как щепки. И очереди авиационных пушек прошивают понтон насквозь со всеми переборками.

Но штурмовикам пришлось несладко. «Илы» возвращались на малой высоте, виднелись пробоины, а два самолета сильно дымили. Мы провожали их взглядами. Дотяните до своих, ребята! Но один из штурмовиков, теряя высоту на глазах, зацепил крылом волну и мгновенно исчез в серой днепровской воде. На поверхности реки лопнул воздушный пузырь, и как не было сталинского сокола! Два его собрата кружились над местом падения и снова развернулись на прежний курс.

Говорят, у пилотов не бывает могил. А у танкистов? Позже мы собрали останки ребят из двух сгоревших танков. Заряжающего из машины Февралева еще можно было опознать, а экипаж младшего лейтенанта Пимкина просто исчез. Собрали обугленные кости, два черепа,

ведро золы и спекшийся сапог без голенища. Разделили на четыре кучки, завернули в шинели, плащ-палатки и похоронили. На столбике с дощечкой написали химическим карандашом имена погибших.

Мне приказали оставаться в распоряжении командования полка. Поддерживая контратаку, я выпустил почти все снаряды по немецким позициям, пулеметным гнездам и наступавшей пехоте. Получил еще один снаряд небольшого калибра, не пробивший броню, но хорошо встряхнувший машину. На помощь подошла батарея ЗИС-3, нас временно отправили в тыл полка зализывать раны. Да и стрелять нам было уже нечем. По рации меня снова вызвал Хлынов. Чем-то взвинченный, сразу понесся в карьер:

– Ну что, угробил взвод? Спасибо, хоть Февралева сумел выбраться. А то не знаю, с кем и воевать.

– У маршала Рыбалко гвардейцев попроси, – едва сдерживаясь, посоветовал я. – Ребята боевые, как раз для тебя.

– Умничаешь? Ладно, отсиживайся, а Февралева пришли в роту. Чую, не приживешься ты у меня.

– Я... меня! Полководец сраный. Все, конец связи. Надоело трепотню слушать.

– За что он нас так? – удивился Вася Легостаев. – Мы не отсиживаемся. Переправу раз-молотили и фрицев не меньше взвода ухандокали. Я считал, почти сотню снарядов выпустили.

– Может, не взвод, а роту? Или батальон, – огрызнулся Кибалка. – Лаборант хренов. Научился считать.

– Ленька, ты хоть не лайся. Без тебя тошно.

Я поглядел на Февралева. Он сосредоточенно наливал в кружку спирт.

– Шагай, товарищ старший сержант, в роту. Хлынов вызывает.

– Выпью сейчас и пойду. Мне тут с тобой делать нечего. Ну, вот и с Февралевым отношения разладились. Чем-то ему не угодил. Ладно, плевать!

До заката мы дожили. Бой помалу затих. Перед ужином вместе с Леней Кибалкой и сержантом из батальона спустились к Днепру. Нестерпимо чесалось тело. И от вшей, и от пережитого напряжения. Вшей холодной водой не изведешь, но хоть обмоя разодранную ногтями кожу. Лучше бы не ходил на Днепр. Совсем настроение испортилось.

Людей под обрывом было много. Пополнение, раненные, повозки. Отошли втроем в сторону, нашли небольшой заливчик, прикрытый песчаной грядой, и быстро разделись. Холодно. Кожа сразу покрылась пупырышками, но желание избавиться от зуда было слишком велико.

Сунулся в воду, которая обожгла, как кипятки. Сержант из батальона остался на берегу, Ленька тоже полез смывать вшей. Прыгали, ахали, колотя ладонями по ляжкам. Окунулись по плечи, начали тереть кожу. Под ногами почувствовал что-то мягкое. Достал половинку солдатских шаровар, швырнул на песок. Еще тряпки и что-то твердое, чуть не порезавшее ступню. Вытащил с трудом. Оторванная нога, вернее, размякшая кожа и кости, замываемые песком.

Бросил все это в воду, шагнул в сторону, поскользнулся и шлепнулся возле мертвого тела, от которого тоже остались кожа, кости да обрывки одежды. Я огляделся. Залив, как кашей, был забит останками людей. Переправа через Днепр началась месяц назад. Тогда под огонь гнали с ходу целые дивизии. За три-четыре недели течение, разные водные обитатели и хищные птицы хорошо поработали над останками.

Только сейчас почувствовал вонь и выскочил из воды. Следом – Кибалка. Подхватили сапоги, прочее барахло и побежали на течение к чистой воде. Если еще оставалась в Днепре в ту осень чистая вода! Ни одна статистика не подсчитала, сколько утонуло солдат, переправляясь через огромную реку на плотках и всяких подручных средствах под огнем с правого берега. Кое-как обмывшись, торопливо одевались, ругая сержанта:

– Ты куда нас загнал? Не знал, что там мертвецы?

– Да они везде, – оправдывался пехотинец. – Мы своих из полка по сотне за ночь закапывали. Колесами да ногами бугор растопчут, не поймешь, где братская могила. Бывало, через день-два копать начинаешь, чтобы новых погибших хоронить, а лопаты в телах вязнут.

– Ладно, – отмахнулся я. – Пойдем спирт допивать, пока не свихнулись.

Вечером допоздна засиделись с маленьким комбатом Федором Матвеевичем. Целый день державшийся крепко, капитан начал сдавать. Расслабился. Переправу разбили, подошло подкрепление, можно расслабиться. Рассказал, что воюет с августа сорок второго. За Сталинград получил Красную Звезду, за Курск – Отечественную войну второй степени. Взводом командовал три месяца, ротой – пять, и вот недавно назначен командиром батальона. С нами сидела санинструктор, совсем молодая девчонка, подруга комбата. Слушала его и подкладывала мужикам еду.

– Стреляли вы сегодня так-сяк, – вертел пальцами комбат. – Признайся, старлей? Нервничали, да?

Я пожал плечами. Чего ему объяснять? Эти понтоны и рассчитаны на получение пробоин, иначе их пулеметами можно было утопить. Требовалось хорошее точное попадание, да и то гарантий нет, что утонут. Кроме того, по нам вели огонь штук восемь орудий. В том числе новые 88-миллиметровки. Попробуй под их снарядами точно прицелиться! А может, и правда нервы играли. Пьяные пустые разговоры надоели. Февралев давно уже вернулся в роту. Там тоже наверняка много хорошего наговорит, завтра с Хлыновым объясняться будем.

– Все, хватит, – оборвал я комбата. – Пошел спать.

– Обиделся, что ли? Ну и зря. Задание ты все же выполнил. Рискуя жизнью.

– Федор, отстань от человека, – попросила санинструктор. – И сам поспи.

– А чего нам не выпить еще по одной? Ты, старлей, молодец! – тянул меня за руку командир батальона. – Я нашему комполка так и доложил. Я – человек прямой. Говорю, мол, танкист орден Красной Звезды честно заработал.

– Ладно. Мне его ваш майор уже обещал. Скоро некуда ордена вешать будет.

Ребята из экипажа спали здесь же в землянке, танк охраняла пехота. Я втиснулся между ними. Легостаев подвинулся, уступая место. Зевая, спросил:

– Ну, че там начальство, Дмитрич?

– Ничего. Давай, спи.

Много лет спустя про Букринский плацдарм в шеститомной истории Отечественной войны напишут такие фразы: «Дважды ударная группировка фронта предпринимала наступление, и оба раза неудачно. Недостаточная плотность артиллерии и нехватка боеприпасов резко снижали силу удара наступавших войск... Боевые действия показали, что здесь трудно рассчитывать на успех. Ставка Верховного главнокомандования решила нанести теперь удар с Лютежского плацдарма».

Ну и конечно, утверждалось, что, несмотря на неудачу, войска 1-го Украинского фронта сковали крупные силы врага, способствовали, помогали и т. д. И снова ничего не говорилось о реальной обстановке на Букринском плацдарме, где повсюду остались братские могилы. Ведь кусок земли в семьдесят квадратных километров обстреливали и непрерывно атаковали пять танковых (моторизованных) и пять пехотных вражеских дивизий, не считая авиации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.